

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ КОСОВО В XX–XXI ВВ.: ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
denis.ermolin@gmail.com

А н н о т а ц и я : В статье рассматриваются векторы социального и пространственного развития трех городов на территории Косово (и Метохии) — Приштины, Призрена и (Косовской) Митровицы в контексте истории региона в XX–XXI в. На протяжении долгого времени все рассматриваемые города являлись крупными политическими, экономическими и культурными центрами региона, вследствие чего городское население характеризовалось этнической пестротой. Так, в каждом городе существовали турецкие, албанские, сербские (и шире — славяноговорящие), еврейские и цыганские кварталы с общей для старожилов идентичностью горожан. Основной тезис заключается в том, что переплетение (порой доходящее до конфликта) двух векторов — «собственной логики» и «логики победителя» — и формирует образ города, во многом обуславливая повседневность и поведенческие модели его жителей. Кроме этого, само эволюционирующее городское пространство может рассматриваться в качестве актора, сегментирующего различные социальные, этнические и конфессиональные сообщества. Таким образом, автор ставит перед собой вопросы: каковы исторические предпосылки трансформаций социокультурного ландшафта городов Косово на рубеже XX–XXI вв.? Какие пространственные изменения городского пространства последовали за новыми социальными реалиями и вооруженным конфликтом в Косово? Каким образом городское пространство может использоваться для формирования и трансляции идеологических установок политическими элитами?

К л ю ч е в ы е с л о в а : Балканский полуостров, Косово, Приштина, Призрен, Косовска-Митровица, городское пространство, социокультурный ландшафт, этнические сообщества.

Б л а г о д а р н о с т и : Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00067).

Д л я с с ы л о к : Ермолин Д. Векторы развития городов Косово в XX–XXI вв.: истоки и последствия // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 179–210.

d o i : 10.31250/1815-8870-2021-17-48-179-210

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/ermolin.pdf>

VECTORS OF CITY DEVELOPMENT IN KOSOVO IN THE 20TH AND 21ST CENTURIES: ORIGINS AND CONSEQUENCES

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

A b s t r a c t : The article explores the social and spatial phenomena in the development of three cities on the territory of Kosovo (and Metohija) — Pristina, Prizren and (Kosovska) Mitrovica in the history of the region in the 20th and 21st centuries. All these cities used to contain Turkish, Albanian, Serbian (and more broadly Slavic-speaking), Jewish and Gypsy quarters with shared urban (as opposed to rural) identities. The paper argues is that the interweaving (sometimes even conflicting) of two vectors — “inner logic” and “the logic of the victor” — forms the image of the city, thereby largely determining the everyday life and behavioral models of its inhabitants. Moreover, the evolving urban space itself can be viewed as an actor segmenting various social, ethnic and confessional communities. Thus, the author poses the following questions: What are the historical prerequisites for the transformations of the sociocultural landscape of the cities of Kosovo at the turn of the XX–XXI centuries? What spatial changes in urban space have followed the new social realities and the armed conflict in Kosovo? How can urban space be used to form and broadcast ideological attitudes by political elites?

Key words : the Balkans, Kosovo, Pristina, Prizren, (Kosovska) Mitrovica, urban space, sociocultural landscape, ethnic communities.

A c k n o w l e d g e m e n t s : The reported study was funded by the RSF according to the research project no. 19-78-00067.

T o c i t e : Ermolin D., ‘Vektory razvitiya gorodov Kosovo v XX–XXI vv.: istoki i posledstviya’ [Vectors of City Development in Kosovo in the 20th and 21st Centuries: Origins and Consequences], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 48, pp. 179–210.

d o i : 10.31250/1815-8870-2021-17-48-179-210

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/048/ermolin.pdf>

Денис Ермолин

Векторы развития городов Косово в XX–XXI вв.: истоки и последствия

В статье рассматриваются векторы социального и пространственного развития трех городов на территории Косово (и Метохии) — Приштины, Призрена и (Косовской) Митровицы в контексте истории региона в XX–XXI в. На протяжении долгого времени все рассматриваемые города являлись крупными политическими, экономическими и культурными центрами региона, вследствие чего городское население характеризовалось этнической пестротой. Так, в каждом городе существовали турецкие, албанские, сербские (и шире — славяноговорящие), еврейские и цыганские кварталы с общей для старожилов идентичностью горожан. Основной тезис заключается в том, что переплетение (порой доходящее до конфликта) двух векторов — «собственной логики» и «логики победителя» — и формирует образ города, во многом обуславливая повседневность и поведенческие модели его жителей. Кроме этого, само эволюционирующее городское пространство может рассматриваться в качестве актора, сегментирующего различные социальные, этнические и конфессиональные сообщества. Таким образом, автор ставит перед собой вопросы: каковы исторические предпосылки трансформаций социокультурного ландшафта городов Косово на рубеже XX–XXI вв.? Какие пространственные изменения городского пространства последовали за новыми социальными реалиями и вооруженным конфликтом в Косово? Каким образом городское пространство может использоваться для формирования и трансляции идеологических установок политическими элитами?

Ключевые слова: Балканский полуостров, Косово, Приштина, Призрен, Косовска-Митровица, городское пространство, социокультурный ландшафт, этнические сообщества.

У каждого города своя логика и траектория развития: подъем и социально-экономическое процветание может сменяться глубокой стагнацией, которая сопровождается массовым оттоком населения (вспомним печальную реальность, с которой сталкиваются моногорода на севере России). Обратное также естественно: «затрапезный» городок со временем может разрастись в крупный и развитый урбанистический центр (такой, скажем, как Москва). Причин всем этим процессам великое множество. Если в первом случае среди факторов угасания городских пространств могут быть войны, эпидемии и катаклизмы, экономические трансформации, смена внутренне- и внешне-политических приоритетов, то успех второго сценария во многом зависит от изначального местоположения поселения, его культурных, экономических и политических связей (ср. средневековый Новгород), а также высокой степени социальной и гражданской активности среди горожан. Бесспорно важный фактор развития города — природный ландшафт: от легендарных семи холмов Рима и Москвы, которые выступают гарантом «Богоизбранности»,

Денис Сергеевич Ермолин

Музей антропологии
и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
denis.ermolin@gmail.com

до самой обыкновенной реки, определяющей повседневные ритмы и маршруты городской жизни. В случае Стамбула (Византия, Константинополь) удачное географическое и стратегическое положение на цивилизационном перекрестке не только обеспечивало непрерывное экономическое и культурное развитие, но и провоцировало желание овладеть городом (или «освободить» его), что не раз приводило к катастрофическим последствиям и страданиям многих тысяч жителей этого мегаполиса. Одним словом, не подлежит сомнению тот факт, что судьба каждого города уникальна, а совокупность факторов и векторов его развития представляет собой неповторимую композицию.

Исходя из этих очевидных пресуппозиций авторы коллективной монографии «Собственная логика городов» под редакцией немецких урбанистов Хельмута Беркинга и Мартины Лёв (2008, пер. на рус. яз. — 2017, 2-е изд. на рус. яз. — 2018) предлагают обратиться к анализу «собственной логики» при изучении городов, которая и лежит в основе своеобразия городских ландшафтов, ритмов и практик. По их мнению, исследовательская программа должна делать акцент на рассмотрении стратегий развития городов, подчиненных «в каждом случае своей имманентной логике» [Беркинг, Лёв 2018: 7–11]. Программные тезисы, предлагаемые авторами, в своей основе так или иначе апеллируют к понятию габитуса и его применимости к анализу городских пространств, а дисциплинарная направленность подходов по большей части остается в поле социологии и социальной философии.

Однако не стоит упускать из виду и тот факт, что трансформации городских ландшафтов — нередко результат противоборств различного рода враждующих групп (политических, национальных, этнических, социальных и пр.). В таком случае уместными и оправданными представляются слова израильского архитектора и исследователя истории Яффы и Тель-Авива Шарона Ротбарда, который открыто говорит: «[Города] строятся только победителями, для победителей и в соответствии с планами победителей <...> И визуальное, и культурное пространство города — это всегда область конкуренции и борьбы» [Ротбард 2017: 11]. С этим высказыванием сложно не согласиться. Действительно, история знает множество примеров экспериментов с городскими ландшафтами, когда одновременно с конструированием и транслированием новых официальных нарративов и исторических мифов ткань города нещадно перекраивается и становится их пространственным воплощением.

Пьер Бурдьё также рассуждает о соотношении физического и социального пространств: «Физическое пространство есть

социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии <...>, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [Бурдые 2017: 53]. Иначе говоря, мы должны рассматривать физическое пространство в качестве объективации прожитых, уже ушедших социальных отношений: память о них сохраняется и в моделях и принципах устройства физического пространства (в том числе среды обитания человека), и в конкретных примерах их реализации. Более того, отталкиваясь вслед за Ф. Бократом от понимания габитуса «как уже произведенного продукта (*opus operatum*) условий его возникновения», мы должны обращать внимание на уникальную историю города, которая особым образом влияет на настоящее, «заставляя его казаться само собой разумеющимся» [Бократ 2018: 86]. Разбирая предлагаемый термин «собственная логика», философ Петра Геринг прямо заявляет: «Собственные логики городов, вне всякого мнения, складываются исторически, у них есть мощная историческая подоснова» [Геринг 2018: 200].

Таким образом, в рамках антропологического исследования анализ развития конкретного города (и последующего сравнения с другими) должен начинаться с обстоятельного рассмотрения его политической, социальной и экономической истории с акцентом на фактор человека, осваивающего и созидающего пространство вокруг себя. Соглашаясь с Х. Беркингом и М. Лёв в их призыве обращать пристальное внимание на отличия *этого* города от *того* [Беркинг, Лёв 2018: 7], все же важно пытаться понять и ту логику, которой руководствовался «победитель» (в терминологии Ш. Ротбарда) в процессе создания собственной среды обитания и трансформации уже имеющейся исходя из своих культурных, политических, экономических и религиозных¹ убеждений. Иными словами, при анализе городских пространств я предлагаю обращать внимание как на те отличительные черты и глубинные смыслы, которые определяют «имманентность» развития городов, так и на волюнтаристскую по своей сути политику пространственного планирования, реализуемую профессионалами и определяемую, как правило, находящейся у власти элитой. Исходя из этих рассуждений тезис статьи заключается в том, что сложное переплетение (порой доходящее до конфликта) двух обозначенных векторов — «собственной логики» и «логики победителя» — и формирует образ города, во многом обуславливая повседневность его жителей.

¹ Лишнее подтверждение этому — история вокруг статуса собора Святой Софии в Стамбуле, испытавшая очередную виток в июле 2020 г.

В задачи настоящего исследования входит рассмотрение особенностей социального и пространственного развития трех городов на территории Косово (и Метохии)¹ — Приштины, Призрена и (Косовской) Митровицы — в контексте истории региона. Это крупнейшие города в нынешних границах частично признанной республики. По последним оценкам (2016), население Приштины составляет более 200 тыс. человек. В Призрене население муниципалитета составляет 187 тыс. человек, в то время как в самом городе проживает более 85 тыс. человек. В муниципалитетах Митровица и Северная Митровица в общей сложности проживает около 100 тыс. человек.

Динамика численности населения во второй половине XX в. (до войны в Косово) в самом общем виде характеризуется следующим образом²: после 1957 г. население Приштины прирастало стремительными темпами как путем внутренней миграции из сельской местности Косово и Метохии, так и за счет притока населения из других республик СФРЮ. Причиной роста населения Приштины стало развитие индустрии, формирование административного аппарата и организация культурно-образовательных центров. В то же самое время Призрен, некогда бывший самым крупным городом на территории нынешней Республики Косово, в силу своего географического положения не испытал столь существенного роста населения, как Приштина. Миграция в Призрен была в основном по оси «село — город» в связи с инвестициями в легкую промышленность, агрокомплекс и впоследствии индустрию туризма [Lleshi 1974: 93–101]. Митровица, развиваясь как индустриальный моногород, по показателям темпа прироста населения сравнима с Призреном, однако ключевым фактором миграции являлось, безусловно, успешное функционирование отрасли, связанной с добычей и переработкой полезных ископаемых.

До середины XX в. все упомянутые города представляли собой постосманские урбанистические центры с ярко выраженной идентичностью *горожанина-старожила* (в противовес выходцам из сельской местности). Расспрашивая информантов 1920–1930-х гг. рождения об этносоциальном портрете жителя балканского города до середины XX в., довольно часто приходится слышать, что городское население делилось на «сербов» (т.е.

¹ В разные годы это административное образование называлось Автономная Косовско-Метохийская область (1945–1963), Автономный край Косово и Метохия (1963–1968), Социалистический автономный край Косово (1968–1990) в составе СФРЮ. В 2008 г. в одностороннем порядке была провозглашена независимость от Сербии, в соответствии с чем территория является частично признанным государством Республика Косово; в сербской номенклатуре территориально-административных единиц продолжает считаться Автономным краем Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

² Подробнейший анализ динамики населения этих трех городов приводится в работе [Lleshi 1974].

православных) и «турок»¹. Здесь важно отметить, что формулировка «турок» не была маркирована сугубо этнически, являясь социокультурной характеристикой, т.е. под «турками» в городах Османской империи и вскоре после ее дезинтеграции мы должны понимать коренных горожан мусульманского вероисповедания, для которых турецкий язык обладал высоким социальным статусом и престижем [Урошевић 1951: 22–23; Yenigün 2008: 517–518], а принадлежность к османской культуре была неотъемлемой частью идентичности безотносительно этнического происхождения². По словам информантов, во всех трех городах умение изъясняться по-турецки было обязательным требованием, предъявляемым к горожанину, вплоть до конца 1980-х гг. Благодаря довольно активной общине призренских турок (см. ниже) владение турецким языком в Призрене до сих пор остается ключевым маркером принадлежности к городской культуре.

Начало социалистического периода в истории Косово характеризовалось стремительными темпами индустриализации и, как следствие, урбанизации региона. Необходимо, однако, подчеркнуть, что обратной стороной урбанизации подобного рода стала рурализация городской социальной среды, которая в том числе способствовала механизмам этнической поляризации городского населения в 1980-х — начале 1990-х гг.

Ниже представлены основные тенденции, которые могут характеризовать социальные процессы, протекавшие в городах Косово во второй половине XX в.:

— 1940–1970-е гг. — приток сельских жителей³ в послевоенный период после выезда значительной части городского населения в Турцию в 1953–1966 гг. и появление «руральных» кварталов в период активной индустриализации региона (рост численности населения исследуемых городов в 2–3 раза);

— 1960–1980-е гг. — приток студенческой молодежи из сельской местности после формирования образовательных центров: Высшей технической школы в Митровице (1961), Высшего педагогического института в Призрене (1962), Университета Приштины (1969, до этого с конца 1950-х гг. функционировал в статусе филиала Белградского университета);

¹ Это деление также было оформлено пространственным размежеванием на различные этноконфессиональные кварталы (ед.ч. *махалла*, от тур. mahalle 'квартал, часть города'), более того, сам город, как правило, складывался из районов с преимущественно христианским (*варош*, от венг. város 'город') и мусульманским (*касаба*, от тур. kasaba 'небольшой город') населением [Чиркович 2009: 157–159].

² Объяснением данному феномену, безусловно, служит система *миллетов*, классифицировавшая все население Османской империи по религиозному принципу.

³ К 1953 г. всего 14,5 % населения края проживало в городах, что делало Косово наименее урбанизированным субъектом СФРЮ [Troch 2018: 35].

— 1999 г. — наше время — последняя волна миграции из сельской местности, связанная с оттоком неалбанского православного населения во время войны.

Анализ социальных процессов, происходивших в городах, осложняется еще и тем, что после дезинтеграции Османской империи историко-географические регионы Косово и Метохия с начала XX в. за довольно короткий промежуток времени входили в состав целого ряда политических образований: в Королевство Сербия, Королевство Черногория (частично Метохия), Королевство СХС, Королевство Югославия, СФРЮ, СРЮ, а с 2008 г. на карте мира появилась частично признанная Республика Косово. Принадлежность территорий Косово и Метохии к государствам с разными политическими режимами обуславливала разработку и внедрение сверху различных моделей и типов нацистроительства, одной из стратегий которого являлось формирование новых подходов к осмыслению городского пространства и имплементации различных проектов по его использованию в качестве действенного инструмента нацистроительства.

Итак, в рамках статьи я постараюсь продемонстрировать, каким образом история развития этих трех урбанистических центров (в контексте истории региона) вкупе с их «собственной логикой» определила те функции, которые были «делегированы» государственными образованиями данным городам в течение второй половины XX — начала XXI в., что во многом (но не всегда) определяет тенденции их социального и пространственного развития в настоящее время. Для этого мною были сформулированы следующие вопросы: каковы исторические предпосылки трансформаций социокультурного ландшафта городов Косово на рубеже XX–XXI вв.? Какие пространственные изменения городского пространства последовали за новыми социальными реалиями и вооруженным конфликтом в Косово? Каким образом городское пространство может использоваться для формирования и трансляции идеологических установок политическими элитами?

Приштина: город прогресса — город новизны

На протяжении XVI–XX в. Приштина нечасто удаивалась пристального внимания историков, искусствоведов и путешественников, оставляющих заметки и описания после посещения того или иного места¹. Именно поэтому, скажем, о Приштине

¹ Одно из лучших описаний исторического и структурного развития Приштины см.: [Урошевић 1951: 3–12]. В югославский период вышло несколько монографий, описывающих социальное, экономическое и культурное развитие города. В работах этого периода существенное место отводится

в XIX в., а тем более об истории города в средние века известно довольно мало. На территории в окрестностях современной Приштины люди обоживались как минимум в V–III тыс. до н.э. (археологическая культура Винча) [Малетић 1973: 69–85], однако на данном месте под современным названием город известен лишь с XIV в. в составе средневекового сербского государства.

В 1455 г. Приштина окончательно попадает под власть османов [Малетић 1973: 461–463; Нушић 1986: 188]. В XV в. город был довольно важным экономическим центром региона (благодаря близости к рудодобывающему региону Трепча — Ново Брдо). В Приштине помимо многочисленных местных ремесленных производств располагались торговые представительства Пагузы (Дубровника), Сплита и Задара [Halimi 1955: 163–166; Malcolm 2002: 86]. В середине XVI в. важность Приштины в регионе стремительно падает, в том числе в связи с эпидемией чумы и чередой австро-турецких войн [Нушић 1986: 188; Islami 2018: 35]. С этого момента Приштина оставалась в тени Призрена, Скопье и Ниша [Malcolm 2002: 6–8]. В течение XIX–XX вв. Приштину неоднократно посещали европейские и балканские путешественники и дипломаты, и, что важно, все они указывали на мультикультурный характер города [Boué 1854: 202–203; Нушић 1986: 192].

Структура города, не менявшаяся, видимо, на протяжении нескольких веков, подверглась трансформации лишь после Второй мировой войны. До этого времени Приштина была прекрасным примером так называемого *балканского города*¹, разделенного на четыре основных сектора двумя главными магистралями, одной из которых был Диван-Йол (тур. *Divan Yol*, досл. ‘Улица, ведущая к зданию Совета’) — главная улица до середины XX в. Историческое ядро Приштины составляли торгово-ремесленные ряды — *чаршия* (от тур. *çarşı* ‘рынок, базар’), а сам город состоял из дюжины кварталов (так называемых *махалла*)², что отражало общебалканские механизмы конфессионального, языкового, этнического, профессионального и социокультурного разделения горожан на различные группы³. В самом центре

анализу развития города в рамках социалистической модели (см., например: [Mekuli, Ćukić 1965] и др.). Новейшее описание истории города приводится в [Islami 2018: 17–80].

- ¹ Под балканским городом здесь понимается прежде всего постосманский урбанистический центр, состоящий из центральной части (базара *чаршии*) и нескольких прилегающих к нему кварталов (*махалла*). Подробнее о характеристиках балканского города и населенных пунктов других типов на Балканах см.: [Тодоров 1972; Соболев 2013: 110–134; Нуса 2015: 272–277].
- ² Квартал балканского города или села называется махалла. Термин вошел в употребление вследствие османского административно-политического и социально-культурного влияния. В случае села махалла, как правило, населена представителями одной семьи или рода.
- ³ О поквартальном делении Приштины в начале XX в. см.: [Урошевић 1951: 28–33; Нушић 1986: 193–194].

чаршии располагались жилые дома, лавки ремесленников и магазины, которые принадлежали в основном зажиточным турецким и еврейским семьям, на территории чаршии также находилась синагога — ныне на ее месте возвышаются административные здания [Namani 2007].

После череды Балканских войн и Первой мировой в Приштине начинают реализовываться проекты по модернизации и преобразованию культурного ландшафта балканского города: в 1927 г. строится отель «Унион» в стиле эклектики (впоследствии в разные периоды носил названия «Национал», «Нова Југославија», “Skander Beg”); в 1928 г. проведено электричество и город получает уличное освещение, появляются первые киносалоны [Тодић-Вулићевић 1999: 24, 28]. Однако основные структурные изменения были реализованы во второй половине XX в.

Начиная с 1950-х гг. региональными властями предпринимаются меры по тотальной перепланировке центральной части городского ландшафта — один за одним разбираются особняки старожилы и лавки ремесленников, исчезают синагога, католический собор и ряд мечетей, запутанный ориентальный клубок узких улочек заменяется широкой и просторной сеткой проспектов в центре города [Ермолин 2015: 50–56]. Все эти изменения подчинены первому в истории Приштины генеральному плану развития городского пространства (1953), который предполагал не только широкомасштабную трансформацию облика города, но и наделение его рядом новых функций. Несмотря на то что административным центром Приштина была еще в составе Османской империи и череды королевств во второй четверти XX в., роль регионального центра (а позднее и столицы автономного края) под управлением коммунистического правительства городу была отведена впервые в 1947 г. И это кардинальным образом повлияло не только на экономическое и социальное развитие Приштины, но и, что важно, город впустил в свои границы урбанизацию совершенно иного типа, с принципиально иным пониманием и осмыслением феномена пространства¹. По мнению философа Н. Милерюса, урбанизация (особенно социалистическая) сама по себе обладает гигантскими возможностями синхронизации сегментов различных пространств (так, улицы и площади, названные в честь маршала Иосипа Броз Тито, Александра Ранковича, Югослав-

¹ В это же время на просторах Югославии реализуются и другие масштабные урбанистические проекты: на периферии Белграда, Загреба, Сараево, Скопье и др. городов строятся новые монолитные кварталы (в большинстве случаев они получили официальное название Новый Загреб, Новый Белград и т.д.), однако важно подчеркнуть, что в случае Приштины ради нового строительства был фактически уничтожен исторический центр.

ской народной армии и Освобождения, встречались по всей Югославии) и тем самым выступает в качестве мощного рычага социального контроля [Милерюс 2008: 44–45].

Не только в столице, но и по всей территории Косово (и Метохии) набравшая обороты социалистическая урбанизация включалась в масштабный процесс распространения новых моральных и социальных норм (прежде всего направленных на секуляризацию общества) среди «застывшего в средних веках» населения, повседневность которого отныне должна была подчиниться необходимым власти сценариям: получение образования и услуг системы здравоохранения всеми слоями населения, посещение библиотек, музеев, домов культуры, занятия спортом и т.д.¹

В этот период в региональных СМИ и туристических альбомах Приштина удостоивается титулов «город прогресса» и «город новизны», что находит свое отражение в развитии архитектурного облика, соответствующего столичному статусу Приштины: в центральной и южной частях города помимо ряда правительственных и партийных зданий были построены Народный театр (1949), отель «Косовский Божур»² (1957–1963), корпуса Университета Приштины (с 1969), новое здание Института албанологии (1977), Национальная и университетская библиотека Косово (1971–1977), отель «Гранд» (1978), дворец спорта «Боро и Рамиз»³ (1977–1981), а также здания больниц, торговых центров, банков, ресторанов и кафе. Важно отметить, что в 1950–1960-е гг. местные газеты писали не только об успехах социалистического строительства, но и о насущных проблемах городской жизни, основными из которых являлись отсутствие развитой системы канализации и высокая степень загрязнения жилых кварталов и публичных пространств бытовыми отходами. Именно в рамках кампании по поддержанию чистоты в 1970–1980-е гг. две реки, протекавшие по центру города (Приштивка и Велуша), постепенно были пущены в трубы, а их русла сравняли с землей [Нохћа 2013: 60–63; Islami 2018: 26–28].

Тем не менее усилия властей абсолютно осмысленно были направлены на конструирование пространства Приштины для

¹ Первые результаты не заставили себя долго ждать: в газете «Рилиндья» за 1951–1953 г. регулярно публикуются статьи и заметки об акциях мусульманских женщин Косово, демонстративно снимавших платки и другие типы ориентальных головных уборов.

² *Косовский Божур* (в пер. с сербохорватского 'Косовский Пион') — один из символов Косово. По легенде, после поражения христианской коалиции во главе с сербским князем Лазарем в битве с турками-османами (1389) из крови убитых на Косовом поле выросли пионы.

³ Назван в честь народных героев Югославии партизан Боро Вукмировича (србхрв. *Боро Вукмировић*) и Рамиза Садику (алб. *Ramiz Sadiku*), сражавшихся на стороне коммунистов и погибших в апреле 1943 г. Героические образы черногорца Боро и албанца Рамиза в послевоенной Югославии служили воплощением лозунга «Братство и Единство».

поддержания административно-политических и образовательно-просветительских функций, а также трансляции соответствующих идеологических нарративов, что подкреплялось названиями улиц и набором устанавливаемых памятников (последнее, впрочем, в той или иной степени является почти универсальным свойством любого городского пространства). Оказавшись в окружении нового, совершенно чуждого архитектурного контекста, уцелевшие османские мечети XV–XVII в. и единичные особняки XVIII–XIX в. были музеефицированы в статусе «памятников истории и культуры».

Еще одной проблемой Приштины в связи с развитием ее административного, образовательного и промышленного сектора в 1960–1980-е гг. стал настоящий бум прироста населения. Так, с 1961 по 1981 г. численность жителей Приштины увеличилась с 38 до 108 тыс., не в последнюю очередь за счет переселявшихся из сельской местности [Lleshi 1977: 293–294; Islami 2018: 46].

Темпы реализации предлагаемых урбанистами и принимаемых органами власти планов развития Приштины (1953, 1967, 1987) не поспевали за стремительным приростом населения города. Северные районы Приштины, нелегально застраиваемые новыми горожанами, не вписывались в концепцию городского планирования и не соответствовали правовым нормам [Islami 2018: 47] — город бесконтрольно разрастался, не обращая внимания на планы и прогнозы специалистов¹.

Вторая ощутимая волна миграции по оси «село — город» в Приштину непосредственно связана с войной в Косово (1998–1999), в результате которой практически все неалбанское население покинуло город, а на их место приехали албанцы из сельской местности. Протекая одновременно со сменой этнического состава городского населения, эти процессы вновь актуализировали внутреннюю границу между «горожанами» и «выходцами из села» [Islami 2018: 57]. Вследствие этого люди, живущие в городе с 1960-х гг., ныне позиционируют себя в качестве горожан («я не приштинец, но горожанин Приштины»), противопоставляя себя перебравшимся в город в 1990–2000-е гг. Вот как об этом говорят информанты²:

Трудно представить, что это вообще Приштина. После войны деревенщины-албанцы заняли дома и квартиры старожилов — сербов и албанцев, покинувших город во время войны. Население города увеличилось в три раза. После войны в Приштине посе-

¹ Одним из тех, кто приложил немало усилий к формированию облика Приштины в 1960–1980-е гг., был архитектор и урбанист Башким Фехмиу. Именно по его проектам застраивались наиболее продуманные и комфортабельные районы в южной части Приштины [Sadiki 2018: 49–61].

² Ср. с наблюдениями Е.Л. Капустиной в Махачкале: [Капустина 2013: 125–133].

лились люди, которые не понимают и не ценят культуру и искусство [М.Я., жен., алб., 1942 г.р., зап. в Приштине, сентябрь 2014 г.].

Заданный в середине XX в. коммунистическим режимом вектор социального развития Приштины остается актуальным и в настоящее время: город по-прежнему является важнейшим пунктом внутренней миграции с целью получения образования и/или трудоустройства. Как следствие роста численности населения наблюдаются и значительные темпы строительства в пределах городской черты, правда, и в настоящее время происходит это довольно хаотично, что встречает справедливую критику со стороны местной интеллектуальной элиты, озабоченной проблемами формирования облика города [Нохћа 2013: 52–87; Pula 2013: 64–67; Sadiki 2018: 9–23]. Автор книги “Qyteti dhe dashuria: ditar urban” («Город и любовь: городской дневник»), певица и профессиональный архитектор, а ныне депутат парламента Косово Элиза Ходжа в беседе со мной сказала следующее:

Посмотри на Приштину — она растет во всех направлениях: и в ширину, и в высоту, но очень часто новое строительство не соответствует тому, что хотели бы иметь в своем городе его жители. Многие решают взятки и дружеские отношения... Ужас! Именно поэтому в своей книге я хотела рассказать о том, как страдает город от этого беззакония. С другой стороны, это столица, а участь столичных городов подчас такова [Элиза Ходжа, жен., алб., 1974 г.р., г. Приштина, май 2014 г.].

В социалистический период городу пришлось выстраивать новое самопонимание, навязанное во многом правящей верхушкой и связанное со столичным статусом «нового города для новых людей». Из постосманского урбанистического центра Приштина, как представляется, неожиданно для себя самой вдруг стала современным (по меркам эпохи и региона) городом, пережив насильственный разрыв с собственной историей (ср.: [Роденштайн 2018: 374]). На несколько десятилетий развитие городского пространства было подчинено идее социалистического прогресса, которая потеряла свою актуальность уже в конце XX в. вместе с падением коммунистического режима и наступлением эпохи неолиберализма. Именно образы исчезнувшей Приштины («город, которого нет», «город без лица», «город без реки») становятся тем ресурсом, к которому в настоящее время обращаются интеллектуальные круги, осмысляя развитие города в настоящем и задавая закономерный вопрос о его будущем [Нохћа 2013: 73–75; Sadiki 2018: 77–78].

В центре Приштины, однако, наблюдаются попытки гуманизации городской среды: появляются дополнительные пешеходные

зоны, устанавливаются лавочки и фонтаны, высаживаются растения. Представляется, что эти тенденции связаны с характеристикой, которой в настоящее время необходимо соответствовать городу — Приштина стала не просто региональным центром, а «самой молодой столицей Европы», пусть и частично, но все же признанного рядом стран государства. Однако любому человеку, посетившему Приштину, становится очевидным, что при всем желании властей, международных организаций и городских активистов преобразовать хотя бы центр города, очевиден недостаток усилий по поддержанию реализованных проектов: фонтаны и периферия общественных пространств полны мусора, тротуары и поребрики местами начинают крошиться, стены домов и фонарные столбы покрыты всевозможными объявлениями, а ночью пешеходные зоны контролируются бездомными собаками. Примечательно, что, как и шестьдесят лет назад, перечисленные проблемы время от времени поднимаются в местной прессе.

В настоящее время средоточием городской социальной жизни является бульвар Матери Терезы (прежние названия: ул. Короля Александра / бульвар Маршала Тито / Видовданска ул.) — обширная пешеходная зона в центре Приштины. На бульваре правительственные здания соседствуют с бесчисленными ресторанами, кафе и барами, тут же располагаются молодежные хостелы и магазины одежды, офисы политических партий и киоски продавцов старой книги. Бульвар служит местом встреч и прогулок как для местных жителей, так и для международных функционеров и туристов. Однако нельзя упускать из виду и то, что семиотическое пространство бульвара на протяжении всей своей истории является действенным каналом трансляции исторического мифа и политического нарратива элиты, находящейся у власти [Ермолин 2020: 193–194].

Город-музей Призрен

Предполагается, что на месте нынешнего Призрена находились города *Theranda*, упоминавшийся в «Географии» Птолемея во II в., и *Petriszen* (по *De aedificis* Прокопия, V в.). В раннее Средневековье город в разное время входил в состав или находился под контролем Первого Болгарского царства, Византии, сербского государства Стефана Немани. Важно, что в эпоху правления Стефана Душана и его сына Стефана Уроша V Призрен являлся столицей Сербского царства. В середине XV в. Призрен был захвачен турками-османами и оставался в Османской империи вплоть до 1912 г. В последние десятилетия существования Османской империи Призрен входил в Призренский (1868–

1877) и Косовский (1877–1913) вилайеты, являясь административным центром Призренского санджака и одним из важнейших городов всего вилайета. Необходимо также упомянуть, что в 1878–1881 гг. в Призрене возникла и активно функционировала Призренская (Албанская) лига¹. С 1918 г. город вошел в границы Королевства СХС и впоследствии Югославии (за исключением краткого периода 1941–1944 гг., когда на оккупированных фашистскими войсками территориях с албаноязычным населением было образовано марионеточное государство Великое герцогство Албания)².

До середины XX в. город представлял собой крупнейший ремесленный и торговый центр, кроме этого, немалую долю экономического сектора составляло сельское хозяйство. В социалистический период, начиная с конца 1950-х гг., к этому добавилась важная сфера легкой промышленности: были введены в эксплуатацию обувная и трикотажная фабрики, фирма по изготовлению кожаных изделий и фармацевтическая компания, а также сектор жилищно-коммунальных услуг [Dukagjini 1978: 86, 104–106; Islami 2018: 111]. После Второй мировой войны легкая промышленность играла настолько важную роль в экономике города, что одна из статей в газете «Единство» за 1966 г., посвященная развитию Призрена, вышла под заголовком «Град девожака и најлона» («Город девушек и нейлона»).

Но все же основной символический капитал города составляет его этнокультурная специфика и богатая история. На протяжении последних пяти веков Призрен являет собой пример полиэтничного и мультиконфессионального урбанистического центра. Так, в дефтере по Призренскому санджаку за 1530 г. указано, что Призрен состоит из четырех мусульманских и девяти христианских кварталов [Gashi 2013: 25]. Однако уже спустя сто лет (в 1623/24 г.) посланник Папской миссии Пьетер Мазреку пишет, что население в этноконфессиональном отношении состояло из 12 тыс. мусульман, почти все из которых были албанцами, 200 католиков и 600 сербов [Pulaha 1983: 488–489]. На рубеже XIX–XX вв. албанский интеллектуал и патриот Сами Фрашери, описывая город, говорит о 38 тыс. жите-

¹ Призренская (Албанская) лига (алб. *Lidhja Shqiptare e Prizrenit*) — национально-политическая организация, включавшая в себя представителей феодальной знати, чиновников и крупных торговцев, которые происходили из населенных албанцами территорий Османской империи. Первоначальной целью лиги было противодействие осуществлению решений Берлинского конгресса 1878 г., и впоследствии деятельность данной организации была направлена на объединение и сплочение всех албанцев, вне зависимости от социального происхождения, рода деятельности, политических убеждений и, что самое главное, религиозной принадлежности (подробнее см.: [Арш 1992: 163–198; Иванова 2006: 109–124; Stavrianos 2008: 502–504] и мн. др.).

² О вхождении Призрена в различные государственные образования в разные исторические периоды см.: [Dukagjini 1978: 70–86; Malcolm 2002: 41, 44, 91, 263].

лей, упоминая, что население города¹ — албанцы, в основном мусульмане, а оставшаяся часть представлена католиками и православными (*sic!*), при этом, по его словам, существуют также влашское и славянское меньшинство [Frashëri 1984: 137–139]. Из других особенностей этнического портрета города стоит упомянуть и довольно активную общину призренских турок [Петровић 2010; Соболев 2013: 127–128], а также внушительный процент исламизированного славянского населения — бошняков и горанов, переселяющихся в город из сельских районов компактного проживания данных этнических групп (прежде всего Средска Жупа и Призренска Гора).

Кроме довольно привычного в рамках Косово сосуществования сербского православия и албанского ислама суннитского толка, в Призрене располагается одна из крупнейших католических общин (в Косово до 70 тыс. албанцев исповедуют католицизм) и известные с XVI–XVIII в. *текке* (из тур. *tekke* ‘обитель дервишей’) суфийских тарикатов *кадирийя*, *рифа’ийя* и *хальветийя* и некоторых других [Rexhepagiqi 2003: 146–148; Gashi 2013: 109–115]. Даже этих, по сути, самых общих сведений достаточно, для того чтобы убедиться: Призрен может служить ярким примером многоэтничного, мультирелигиозного и полифоничного балканского города, поражающего многообразием конфессий и их деноминаций, культур и идиомов жителей [Соболев 2013: 125–127].

Помимо уникального этнокультурного калейдоскопа Призрен по праву может гордиться тем количеством памятников архитектуры, которое сохраняется в исторических границах городского поселения и свидетельствует о непрерывном развитии урбанистического центра с эпохи Средневековья. Шедевры православного храмостроительства (Церковь Богородицы Левишки, начало XIV в.), блестящие образцы османской школы (мечеть Синана-паши, начало XVI в.), тенденции европейской модернизации рубежа XIX–XX вв. — все это многообразие стилей и эпох гармонично сочетается и создает неповторимую ткань городского ландшафта, привлекая внимание как специалистов в различных областях гуманитарного знания, так и многочисленных туристов. Особый шарм Призрену придает протекающая прямо через центр города река Бистрица (алб. *Lumbardhi*), через которую в исторической части перекинут старый Каменный мост османского периода.

¹ Все имеющиеся в распоряжении историков цифры необходимо воспринимать критически, поскольку они порой противоречат друг другу или не совпадают друг с другом (например, данные С. Фрашери и Й. Цвийича примерно за один и тот же период отличаются на 8 тысяч). Довольно подробный обзор этноконфессиональной ситуации в Призрене см.: [Prenkaj 1998: 23–28; Gashi 2013: 22–42].

Городской ландшафт Призрена был оценен по достоинству с самого начала XX в., после дезинтеграции Османской империи и вхождения города в ряд славянских государств. Так, в легенде к первому урбанистическому плану Призрена, составленному в 1913 г. офицерами сербской армии, имеется упоминание о художественной ценности города [Dukagjini 1978: 101], а на протяжении всего XX в. Призрен удостоивался таких эпитетов, как «царский город», «город культуры», «жемчужина Балкан», «столица культуры», «музей под открытым небом», «ризнца архитектурного наследия», «город-музей» и др. По всей видимости, последнее определение окончательно закрепилось за Призреном, после того как в 1958 г. увидел свет альбом с названием «Призрен — город-музей» [Бошняк, Васильевич 1958], который впоследствии был издан с переводами текстов на французский язык.

Каким же образом Призрену удалось сохранить свое богатое культурное наследие на фоне общего курса интенсивной индустриализации Косово в послевоенный период? Как и другие города края, Призрен также подвергся тенденциям развития в русле социалистического строительства: новые жилые дома, индустриальные зоны, школы и медицинские учреждения с сопутствующей инфраструктурой постепенно занимают свое место в пределах городской черты. В связи с этим некоторые кварталы, примыкавшие к *чаршии* и имевшие несомненную историко-культурную ценность, все же разрушались или перестраивались властями в период с 1945 по начало 1960-х гг. до тех пор, пока влиятельным архитектором Станко Мандичем, уроженцем Призрена, не был предложен генеральный план развития города с явным акцентом на сохранение и позиционирование его многовекового наследия [Dukagjini 1978: 101–102]. Но и согласно плану Мандича процессы консервации и последующей музеефикации должны были распространяться лишь на центральные кварталы, расположенные на левом берегу Бистрицы (крепость *Душанов град*, *Поткаляя*, *Шадрван*, *Мараиш*), на правом же берегу было предложено сохранить лишь отдельные памятники (включая мечеть и хамам Мехмета-паши, церковь Богородицы Левишки, текке ордена *хальветийа*, особняк, в котором заседала Призренская лига, и некоторые другие). Таким образом, в соответствии с утвержденным планом городской ландшафт лишился живописных ремесленных кварталов, расположенных вдоль правого берега реки, на месте которых было проложено асфальтовое полотно дороги и построены гостиница и торговый центр.

Однако, повторю, согласно замыслам градостроителей и власть имущих чиновников индустрия туризма с акцентом на историко-культурное наследие должна была стать одной из опорных

сфер экономики Призрена. Помимо памятников архитектуры, ресурсом явилась также деятельность множества учреждений культуры и различных общественных организаций, причем некоторые из них были основаны еще до Второй мировой войны [Dukagjini 1978: 60]. По инициативе властей, с 1964 г. один из местных творческих коллективов показывал туристам программу «Призренская свадьба» с элементами свадебной обрядности призренских турок и албанцев. Кроме всего вышеперечисленного, туристическая привлекательность Призрена связана с тем, что город располагается у подножия горного массива Шар-Планина, на территории которого в 1954 г. был организован горнолыжный курорт общегославского значения «Брезовица», а в 1986 г. — национальный парк «Шар-Планина».

Показательно, что с первых шагов развития туристической индустрии в Косово Призрен был отмечен в качестве наиболее привлекательных пунктов не только Косово, но и Югославии в целом [Gashi 1977: 72; Dukagjini 1978: 61–63]. Точнее, славу «города-памятника» Призрен снискал еще до того, как были созданы условия и инфраструктура для массового туризма. Так, в газете «Единство» за 1966 г. опубликовано письмо в редакцию жителя Призрена Имера Укая, которое начинается словами: «Призрен — хорошо известное историческое и туристическое место, которое посещают многочисленные иностранные и отечественные туристы». Далее И. Укай сетует на то, что в городе до сих пор отсутствует камера хранения, и туристы, приезжающие на один день, вынуждены осматривать достопримечательности, включая восхождение на средневековую крепость, с сумками в руках [Призрен без гардероба 1966]. Действительно, начиная с середины 1960-х гг. город все чаще попадает в поле зрения частных туристов и организованных групп, а в 1967 г. в ходе деловой поездки по Косово Призрен посетил сам Иосип Броз Тито, которого «исключительно заинтересовали исторические памятники материальной культуры и архитектура города-музея» [Верзел 1979: 29]. Моя информантка с теплом вспоминает экскурсии в Призрен, организованные от школы:

Я была одной из лучших в классе. Лучших отправляли на экскурсии во время каникул — Дубровник, Скопье, Ульчин [серб. Улцинь] — по всей Югославии. А в Косово ездили в Пейю [серб. Печ], Призрен, Дечаны — по историческим местам. Но это были настоящие экскурсии, нас сопровождали историки и все подробно рассказывали. Не то, что сейчас — поели-попили и поехали... Все рассказывали, как положено! На местах нас встречали священники, ходжи. Рассказывали про памятники — о, в Призрене мы и на крепость поднимались, и в церкви, и в мечеть ходили! Никакого национализма — это же история.

Тем более в Призрене — это же город культуры... [М.Б., 1974 г.р., жен., алб., г. Приштина, март 2020 г.].

В то же время памятники Призрена попадают в поле зрения специалистов в области истории искусства: проводится их детальное изучение и реставрация, выпускаются специализированные монографии и альбомы. В 1968–1974 гг. был проведен значительный объем подготовительных работ и подана заявка (правда, безуспешная) на включение города в список наследия ЮНЕСКО [Zenelaj 2012: 143]. К сожалению, многие памятники пострадали в ходе войны в Косово и погромов 2004 г. Тем не менее попытки сохранения культурного наследия Призрена предпринимаются и в настоящее время: в 2005 г. был составлен и одобрен план консервации и развития исторического центра города [Zenelaj 2012: 144]. Среди довольно широкого спектра реализуемых в Призрене европейских программ стоит особенно упомянуть проект Программы развития ООН “Inter-community Dialogue through Inclusive Cultural Heritage Preservation”, направленный на повышение уровня взаимного доверия между различными этноконфессиональными сообществами Косово посредством реставрации памятников истории и культуры этих групп.

Вероятно, благодаря позитивному образу Призрена как города, в котором мирно сосуществуют представители разных конфессий, за последние несколько лет Сербской православной церкви при поддержке ряда внутренних и международных фондов удалось реализовать проект по восстановлению деятельности Призренской духовной семинарии, где получают азы богословского образования юноши из Сербии и сербских анклавов Косово. Мне удалось побеседовать с одним из преподавателей:

Сейчас в Призрене осталось 10–15 коренных сербов, это пожилые люди, которые не хотят покидать свои дома. Слава Богу, есть возможность и нам тут быть. <...> Сейчас повседневные службы проходят здесь, в домовая церкви семинарии, а по воскресеньям ходим в соборную церковь Св. Георгия¹. Когда станет тепло, будем там молиться каждый день: будем ходить, горожане должны видеть, что мы тоже тут есть, а мы должны видеть людей — только узнавая друг друга, можно преодолеть ненависть [NN², муж., серб, г. Призрен, март 2020 г.].

Кроме профильных дисциплин в семинарии факультативно преподается албанский язык (2 часа в неделю). По словам моего собеседника, многие студенты и преподаватели охотно

¹ Для того чтобы попасть в храм Св. Георгия из семинарии, нужно пройти около километра через самый центр города.

² По просьбе собеседника автор не публикует его личные данные.

посещают занятия и особенно заинтересованы в освоении разговорного языка.

Как и в случае других городов Косово, трансформация социокультурного ландшафта Призрена на протяжении второй половины XX в. может характеризоваться следующими процессами: прирост населения за счет выходцев из села¹, отток старожилов-«турок» после 1953 г., практически полное вытеснение неалбанского православного компонента в результате войны и особенно после погромов сербского квартала *Поткалаляйя* (серб. *Поткалаја*, алб. *Nënkalaja*, тур. *Prizren Kalealti*) в 2004 г.

Тем не менее, говоря о восприятии города и его образа, жители Призрена, вероятно, имеют дело с укоренившейся «собственной логикой», характеризующей город в качестве культурной столицы Косово, что охотно транслируют не только немногочисленные старожилы, но и люди, получившие основы городской социализации в Призрене в югославский период:

Мой отец переехал в Призрен в 1958 году из села, из местности Опоя [серб. Ополье]. В городе было больше перспектив, тут он занимался ветеринарией. Турецкого он не знал, плохо говорил. Я родился уже в городе, в 1960 году, дома говорили по-албански, в школе выучил и сербский, а в нашем квартале — турецкий. Как говорят, горожанин в Призрене должен говорить на трех языках — турецком, албанском и сербском [И.Х., 1960 г.р., муж., алб., г. Призрен, март 2020 г.].

Иначе обстоит дело с теми албанцами, которые переехали в город в самое недавнее время и (пока?) не успели адаптироваться к полилингвальному и мультикультурному Призрену: однажды автор данной статьи стал свидетелем того, как албанец-филолог, происходящий из сельской местности, требовал от славяноязычного мусульманина-официанта говорить с клиентами исключительно по-албански (подробнее о ситуации см.: [Соболев 2013: 127–128]).

Несмотря на подобные примеры, в настоящее время Призрен активно позиционируется в качестве важной туристической точки на карте Косово, оправдывая бренд «культурной столицы» [Prizren 2011; Maliqi 2018: 5]. Город является площадкой для целого ряда международных событий в мире искусства. Пожалуй, самым известным из них является фестиваль документального и короткометражного кино “Dokufest”.

¹ С 20,5 тыс. в 1948 г. до 92 тыс. в 1991 г. [Islami 2018: 112].

Разделенная Митровица¹ — поделенное Косово

В наши дни Митровица / Косовска-Митровица — один из символов трагедии XX в., произошедшей в Косово. Будучи в недалеком прошлом, пожалуй, самым успешным и быстроразвивающимся индустриальным центром региона, сейчас когда-то единая Митровица вынуждена существовать в состоянии тотального разделения рекой Ибар. Действительно, север и юг города живут словно в параллельной реальности: в повседневной жизни люди пользуются разными языками и валютами, а футбольные клубы из южной и северной частей Митровицы выступают в первенствах Косово и Сербии соответственно.

Разделение ткани города было оформлено и на официальном уровне — с 2013 г. административно-территориальное деление частично признанной Республики Косово имеет в своей структуре два муниципалитета, центрами которых являются два города: Северная Митровица, населенная по преимуществу сербами, и Митровица, в которой подавляющим большинством жителей являются косовские албанцы. Время от времени город становится площадкой для взаимных провокаций и вспышек национализма, поскольку севернее р. Ибар расположены четыре округа с сербским населением: Косовска-Митровица (частично), Лепосавич, Звечан и Зубин Поток, ситуация в которых лишь отчасти контролируется властями частично признанной республики.

Из 100 тыс. жителей обоих муниципалитетов население Северной Митровицы составляет около 29 тысяч, из которых 22 тысячи — сербы, а около 5 тысяч — албанцы [Maciulewicz 2019: 210]. Перепись, инициированная властями Республики Косово в 2011 г., показала, что на момент ее проведения в Митровице (имеется в виду исключительно южная часть) проживало 70 289 человек, из которых 69 497 — албанцы, а сербов всего 14 человек [Maciulewicz 2019: 210].

Феномен Митровицы не может не привлекать внимание специалистов, изучающих проблему разделенных городов в самых различных аспектах — от этнографического описания ситуации до практических сценариев для миротворческих миссий. Помимо имеющихся публикаций [Shaw 2003; Lémay-Hebert 2012; Björkdahl, Gusić 2013; Castan Pinos 2015], автору известны как минимум две диссертации, посвященные Митровице, которые в настоящее время готовятся в различных европейских универ-

¹ В официальной сербской топонимической номенклатуре с 1989 г. и по настоящее время используется название Косовска-Митровица, власти Республики Косово используют два наименования для двух разных муниципальных центров: Митровица и Северная Митровица. В 1981–1989 гг. город назывался Титова-Митровица.

ситетах. Предварительные результаты этих работ обсуждаются в статьях [Pavlović 2015; Maciulewicz 2019].

В османский период Митровица была сначала деревней, а затем небольшим городком, находящимся между историческими областями Арнаутлук и Босния, административно входя в Боснийский пашалык [Нушић 1986: 285–286]. Такое положение обуславливало две основные функции Митровицы: торговую и оборонительную. Дополнительный импульс развития Митровица получила в связи со строительством в 1874 г. железной дороги Белград — Салоники [Troch 2018: 36–37].

Но все же основной вектор развития Митровицы связан с ее географическим расположением в непосредственной близости от рудников Тречча — Ново Брдо, известных с античности и не утративших своей значимости вплоть до начала XVIII в. [Чиркович 2009: 160–162]. В начале XX в. развитие промышленности в регионе возобновилось благодаря интенсивным инвестициям, поступающим из-за рубежа, в частности из Великобритании: с 1925 по 1941 г. разработкой рудника занималась компания “Selection Trust” под руководством «медного короля» Альфреда Честера Битти [Bancroft 2020: 20–26].

В социалистический период на предприятии «Тречча», являвшем собой мощный конгломерат из сорока шахт и заводов, трудилось до 23 тыс. сотрудников, а основным профилем деятельности была добыча и переработка свинца, цинка и серебра [Lleshi 1977: 88–90]. Благодаря инвестициям в горнодобывающую отрасль город получил бурное развитие с середины 1950-х гг., что вызвало обоснованный приток населения с территории Косово и соседних югославских республик [Troch 2018: 34–35]. В газетах за 1950-е гг. (как на сербском, так и на албанском языках) довольно много внимания уделялось этапам становления промышленности в городе. Кроме этого, публиковались агитационные статьи с описанием «достойных условий для жизни и высокой заработной платы даже у простых рабочих», которые заканчивались прямыми призывами пополнить ряды трудящихся в связи с острой нехваткой рабочей силы. Таким образом, с конца 1940-х до начала 1970-х гг. население Косовска-Митровицы увеличилось в четыре раза¹ — с 13 до 42 тыс. человек, так что одной из самых серьезных проблем стало обеспечение школьников учебными площадями. В 1960-е гг. уроки в школах проводились в четыре смены, кроме этого, вновь приехавшие жители жаловались на отсутствие условий для проведения

¹ На рубеже XIX–XX в. население Митровицы составляло всего около 7 тыс. чел., а на 1991 г. — 65 тыс., т.е. за столетие выросло более чем в девять раз [Islami 2018: 180].

досуга и довольно высокий уровень преступности несовершеннолетних [Милић 1966].

Генеральный урбанистический план развития города (1963) был разработан белградским архитектурным бюро «Искра» и являл собой результат долгих переговоров и политической борьбы между городскими властями и руководством «Трепча», поскольку муниципалитет не обладал необходимыми экономическими ресурсами для инвестирования в городскую инфраструктуру таким образом, чтобы она соответствовала высоким темпам индустриализации [Troch 2018: 39–41]. Более привлекательной для застройки в соответствии с новыми стандартами жизни и потребностями «Трепча» была северная часть, поскольку, в отличие от южной, она практически не была занята постройками досоциалистического периода [Troch 2018]. Соответственно, обветшавший постосманский город (к югу от р. Ибар) физически и морально контрастировал с широкими проспектами и многоэтажками, вырвавшимися на противоположном берегу. Лишь на рубеже 1960–1970-х гг. городские власти обратили внимание на этот дисбаланс и начали вкладывать средства в гуманизацию исторического (османского) центра Митровицы [Troch 2018: 51]. Кроме этого, как и в случае Приштины, имела место и нелегальная застройка городских окраин выходцами из села.

Однако общая тенденция развития города привела к тому, что в 1970-х гг. на самом высоком уровне обсуждался сценарий переноса столицы края из Приштины в Митровицу¹, который по разным мотивам так и не был реализован. Одной из причин этого, по всей видимости, стали экологические условия в городе: в какой-то момент Митровица официально входила в тройку городов с самым загрязненным воздухом в Косово, а уровень содержания свинца в водопроводной воде превышал допустимый в 70 раз [Lleshi 1977: 89]. Именно поэтому техническая интеллигенция, работавшая на комбинатах Трепча, предпочитала жить либо в северной части города, либо в пригородах с более высоким уровнем озеленения, расположенных поблизости (например, Звечан) [Lleshi 1977: 90; Troch 2018: 47].

Митровица и «Трепча» — синонимы. Это был гигант европейского масштаба. Все приезжали посмотреть — да, были организованные экскурсии. Постоянно! Школьников привозили — а как же! Сначала на комбинат, потом к памятнику на горе².

¹ Интересно, что эта идея была не нова: во второй половине XIX в. в Стамбуле дискутировался план переноса штаб-квартиры окружного военного начальства из Приштины в Митровицу [Нушић 1986: 286–287].

² Информант имеет в виду «Памятник партизанам и шахтерам», расположенный на горном склоне в северной части Митровицы. Открыт в 1973 г. (арх. Б. Богданович).

Все должны были понимать, за счет чего живет Косово. Были другие комбинаты — в Обиличе, под Приштиной, но он с нашим не мог сравниться... <...> НАТО «Трепча» не бомбило — только полицию и воинские части, они понимали, что это им достанется, американцам, немцам, Бог знает кому еще... А сейчас все пропало — уже 30 лет ничего не работает... [С.Й., 1955 г.р., муж., серб, г. Косовска-Митровица, март 2020 г.].

Действительно, споры о принадлежности зданий комбината и рудников между Белградом и Приштиной продолжают по сей день, поскольку, как и сам город, комбинат располагается по обоим берегам р. Ибар. В результате войны в Косово сербское население Митровицы и окрестных деревень перебралось в северную часть города, а большая часть албанцев — в южную. О вынужденной искусственности такого деления по этническому принципу говорит тот простой факт, что сербское православное кладбище исторически располагалось в южной части, а одно из мусульманских — по другую сторону моста. Согласно опросам, 67,4 % сербов, ныне живущих в Северной Митровице, не являлись жителями этого города до 1999 г. [Maciulewicz 2019: 209].

Одним из невольных участников разделения Митровицы стал памятник русскому консулу Григорию Степановичу Щербине (1868–1903), скончавшемуся от ран в результате теракта, который был организован албанской стороной. Памятник был торжественно открыт в 1928 г. в южной части Митровицы, недалеко от железнодорожной станции, на месте покушения на Г. Щербину. Монумент был разрушен албанцами в 1999 г. и восстановлен в 2007 г. уже в северной части Митровицы.

Разрыв ткани города вследствие этносоциального конфликта и последующей войны в Косово привел к кардинальной трансформации той самой «собственной логики», согласно которой город и развивался на протяжении полувека в соответствии с идеалами «братства и единства» и принципами социалистического строительства. До начала сербско-албанского политического противостояния Митровица фактически являла собой промышленный моногород, население которого в своей массе было представлено рабочим классом. Начиная с 1981 г. власти Югославии предприняли ряд политических мер, приведших к ограничению, а впоследствии и к ликвидации суверенитета Косово¹. В ответ на это 20 февраля 1989 г. 1350 шахтеров-албанцев «Трепчи» заперли себя в рудниках на глубине около 850 м и объявили голодовку, которая длилась больше недели. В результате часть политической команды С. Милошевича подала в отставку. Однако в тот же день федеральные власти

¹ Подробнее см.: [Мартынова 2013].

объявили о применении «специальных мер» в Косово и ввели на территорию края более 1500 военизированных полицейских из других регионов Сербии [Meier 1999: 84–85].

Именно события 1981–1989 гг. привели к тому, что население Митровицы (впрочем, и Косово в целом) стало орудием в руках националистически ориентированных политических элит, а вектор социального и пространственного развития города был направлен в сторону этнической поляризации. Однако, по мнению Х. Кастан Пинос, именно благодаря естественной границе в виде реки, а также геополитическому положению города и примыкающим к нему с севера территориям с преимущественно сербским населением Митровице, пусть и ценой глубокого разделения, удалось сохранить существенную долю сербского населения в пределах городской черты [Castan Pinos 2015: 137–139], чего, увы, не удалось Приштине и Призрену: в соответствии с «логикой победителя» почти все сербское (и шире — православное) население было вынуждено либо покинуть города и переселиться за пределы Косово, либо устроить свою жизнь в немногочисленных сербских анклавах.

Заключение

Моя информантка, сербка из Приштины, вынужденно покинувшая Косово в апреле 1999 г. и ныне проживающая в г. Ниш (Сербия), в ходе интервью отметила, что во времена ее молодости (1970–1980-е гг.) считалось, что Приштина хороша для получения образования, Косовска-Митровица — для работы, а Призрен — для отдыха. Очевидно, что в этом суждении мы имеем дело со стереотипом, который хотя и возник не на пустом месте, но несколько упрощает понимание социальных процессов, протекавших в этих городах.

После окончания Второй мировой войны во всех городах на территории Косово фиксируется существенный рост населения, в первую очередь за счет жителей, прибывающих из сельской местности. Это было связано с широким комплексом правительственных мер по развитию Косово, прежде всего путем инвестиций в сферу промышленности и образования, а также пригородного сельского хозяйства. Помимо этого, правительство предпринимает попытки «профилизации» рассматриваемых городов, что находит свое отражение в ряде мер по организации городского пространства в соответствии с возложенными функциями.

В результате этой политики Приштина пережила разрыв с собственной историей, лишившись исторического центра, на месте которого, руководствуясь идеалами социализма, фактически был

построен «новый город для новых людей». Как представляется, эти меры предпринимались югославским правительством совершенно осознанно, чтобы одновременно с перекраиванием ткани городского центра поменять расклад политических сил в Косово, разрушив сеть социальных и экономических отношений между представителями влиятельных старожильческих кланов, многие из которых в 1953–1966 гг. были вынуждены покинуть Югославию. К слову, на этом эксперименты над социокультурным ландшафтом Приштины исходя из вкусов и потребностей «победителя» не завершились. Рубеж XX–XXI вв. принес вместе с частично признанной независимостью очередную волну смены этнического состава населения и новые тенденции развития городского пространства, соответствующие столичному статусу Приштины и идеологическим установкам политической верхушки. Дополнительным вектором развития является и то, что вот уже на протяжении более чем полувека планы и прогнозы градостроителей не принимаются в расчет теми, кто приезжает устраивать свою жизнь в столице, в результате чего власти банально не успевают реализовывать намеченное.

Призрен же, наоборот, окончательно уступив административные функции Приштине с 1947 г., сумел сберечь не только многочисленные памятники истории и культуры, но и многое из обрамляющей их ткани городского ландшафта. Однако и в случае пространственного развития Призрена не обошлось без имплементации «логики победителя»: меры по отбору и сохранению историко-культурного ландшафта проводились в соответствии с утвержденным чиновниками урбанистическим планом, предложенным С. Мандичем. Неслучайным представляется и то, что основная работа по продвижению Призрена как туристического бренда началась после визита Тито в 1967 г. Но необходимо подчеркнуть, что это позитивное реноме города во многом способствовало сохранению этнокультурного и профессионального разнообразия населения Призрена, невзирая на трагические события на рубеже XX–XXI вв.

(Косовской) Митровице была отведена иная участь. Позиционируя город как успешный индустриальный центр, во второй половине XX в. власти заложили основы развития и векторы социального и пространственного планирования. Тогдашним югославским лидерам Косовска-Митровица виделась в качестве образцового социалистического города, в котором плечом к плечу на благо общего будущего должны были трудиться «новые люди, которых ковала Новая Югославия»¹. Однако соци-

¹ Метафора взята из обращения И. Броз Тито к рабочим комбината «Трепча» 1 июня 1950 г. [Јевтовић 1979: 22].

ально-экономический и политический кризис и последовавшая за ним кровавая дезинтеграция страны перечеркнули эти светлые мечты: в результате войны город был поделен на две части по р. Ибар. Возможно, не будь этой природной границы, Митровица бы разделила участь остальных городов Косово, в которых процент сербского населения уверенно стремится к нулевому показателю.

Таким образом, на примере трех крупнейших городов на территории частично признанной Республики Косово можно говорить о том, что, безусловно, само городское пространство обладает «глубинной грамматикой» (в терминологии Р. Линднера) и собственной логикой развития, во многом проистекающими из физико-географических и историко-культурных особенностей. Развитие города также обеспечивается и подкрепляется усилием многих тысяч рук, ног и голов, их повседневными актами «написания городского текста» (вспоминая М. де Серто). Эта логика, однако, может нарушаться путем политического вмешательства со стороны правящего режима, что в значительной степени как оказывает влияние на поведенческие сценарии населения, так и обуславливает принципы дальнейшего развития городского пространства, особенно в сфере экономического и социального планирования. В случае Косово дополнительным обстоятельством явилась война: переживая и проживая ситуацию вооруженного конфликта, городское пространство претерпевает не только физические, но и социальные изменения — рушатся прежде установленные персональные и коллективные связи и отношения, полностью или частично меняется этнический, социальный и конфессиональный портрет горожанина, что естественным образом влечет за собой трансформацию городской среды в соответствии со вкусами и нуждами «победителя».

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00067).

Источники

Бошняк С., Васильевич С. (уред.). Призрен — град-музеј. Београд: Издање Народног одбора општине Призрен, Савет за културу и просвету, 1958. 68 с.

Јевтовић М. (уред.). Тито на Косову. Приштина: Јединство, 1979. 125 с.

Малетић М. (уред.). Косово: Некад и данас. Београд: Економска политика, 1973. 1024 с.

Милић М. Метропола индустрије // Јединство. 1966, 21. новембра. № 47.

Нушић Б. Косово: опис земље и народа. Београд: Просвета, 1986. 308 с.

- Призрен без гардеробе // Јединство. 1966, 11. јула. № 28.
- Тодић-Вулићевић Р.* Приштина, приштевци и време. Нови Сад: Матица српска, 1999. 161 с.
- Урошевић А.* Приштина. Антропогеографска испитивања // Зборник радова. Књ. 14. Етнографски институт. Књ. 2. Београд: С.п., 1951. С. 1–35.
- Boué A.* Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe. Détails géographiques, topographiques et statistiques sur cet Empire. Vienne: W. Braumüller, 1854. Т. 1. 407 p.
- Frashëri S.* Vepra. Vëll. 7. Prishtinë: Rilindja, 1984. 186 f.
- Gashi S.* Prizreni. Udhërrëfyes historik. Prizren: Fidani, 2013. 42 f.
- Halimi K.* Diçka rreth historisë së Prishtinës // Përparimi. 1955. No. 3 (Korrik). F. 163–166.
- Hoxha E.* Qyteti dhe dashuria: ditar urban. Prishtinë: Qendra për Studime Humanistike “Gani Bobi”, 2013. 306 f.
- Maliqi Sh.* (kryered.). Prizreni, perla e Ballkanit. Tiranë: Argjiro, 2018. 142 f.
- Mekuli E., Ćukić D.* Priština. Beograd: Beogradski grafički zavod, 1965. 76 s.
- Prizren: Kryeqyteti i kulturës. Prizren: Siptint, 2011. 116 f.
- Pula B.* Autopsia e Prishtinës // Kosovo 2.0. Napësira publike. 2013. No. 5. F. 55–67.
- Sadiki A.* Reflektime të një qytetari arkitekt. Prishtinë: Iliri, 2018. 143 f.
- Zenelaj B.* Prizreni — Qyteti i filigranit // Doempke S., Lulo A., Petrela S. (red.). Katër qytete historike në Ballkanin jugperënimor: Vlera dhe sfida. Tiranë: Gent Grafik, 2012. F. 109–145.

Библиографија

- Ариш Г.Л.* (отв. ред.). Краткая история Албании. М.: Наука, 1992. 512 с.
- Беркинг Х., Лёв М.* Введение // Беркинг Х., Лёв М. (ред.). Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М.: НЛО, 2018. С. 7–16.
- Бократ Ф.* Городской габитус и габитус города // Беркинг Х., Лёв М. (ред.). Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М.: НЛО, 2018. С. 67–100.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.
- Геринг П.* Что такое «собственная логика»? О смене парадигмы в урбанистике // Беркинг Х., Лёв М. (ред.). Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М.: НЛО, 2018. С. 193–210.
- Ермолин Д.С.* Приштина как разделенный город // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 42–68.
- Ермолин Д.С.* Символическое нацистроительство и культурный ландшафт городов Косово на рубеже XX–XXI вв. // Кунсткамера. 2020. № 1. С. 188–197.
- Иванова Ю.В.* Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006. 367 с.
- Капустина Е.Л.* Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов

- в Дагестане и судьба сельских землячеств в Махачкале начала XXI века // Ботяков Ю.М. (отв. ред.). Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 111–175.
- Мартынова М.Ю.* Этнический фактор в судьбе Косово // Романенко С.А., Шмелев Б.А. (отв. ред.). Косово: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Алетейя, 2013. С. 82–135.
- Милерюс Н.* Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // Милерюс Н., Коуп Б. (отв. ред.). P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 37–61.
- Петровић С.* Збирка речи из Призрена Димитрија Чемериќића као извор за проучавање језичке и културне интерференције на Косову и Метохији // Милорадовић С. (уред.). Косово и Метохија у цивилизацијским токовима. Књ. 1: Језик и народна традиција. Косовска Митровица: Филозофски факултет, 2010. С. 195–206.
- Роденштайн М.* Индивидуальность городов: Франкфурт и Гамбург в сравнении // Беркинг Х., Лёв М. (ред.). Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М.: НЛО, 2018. С. 331–393.
- Ротбард Ш.* Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 256 с.
- Соболев А.Н.* Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. СПб.; München: Наука; Otto Sagner Verlag, 2013. Т. 1: Homo balcanicus и его пространство. 264 с.
- Тодоров Н.* Балканският град XV–XIX век: Социално-икономическо и демографско развитие. София: Наука и изкуство, 1972. 504 с.
- Чиркович С.М.* История сербов. М.: Вест Мир, 2009. 448 с.
- Bancroft I.* Dragon's Teeth: Tales from North Kosovo. Hannover: ibidem Verlag, 2020. 204 p.
- Björkdahl A., Gusić I.* The Divided City — a Space for Frictional Peacebuilding // Peacebuilding. 2013. Vol. 1(3). P. 317–333.
- Castan Pinos J.* Mitrovica: A City (Re)shaped by Division // Ciardha É.Ó., Vojvoda G. (eds.). Politics of Identity in Post-Conflict States. L.: Routledge, 2015. P. 128–142.
- Dukagjini E.* Gradska naselja Metohje (Dukadina): urbano geografska proučavanja. Priština: Univerzitet u Prištini, 1978. 319 s.
- Gashi M.* Uslovi i mogućnosti za razvoj turizma u SAP Kosovu. Priština: Univerzitet u Prištini, 1977. 265 s.
- Hysa A.* Mirroring the Bazaar: Social Change through Balkan Marketplaces // Roth K., Höpken W., Schubert G. (eds.). Europäisierung — Globalisierung — Tradition. Herrschaft und Alltag in Südosteuropa. 50. Internationale Hochschulwoche der Südosteuropa-Gesellschaft in Tutzing 4.–7. Oktober 2011. Berlin; München: Peter Lang GmbH, 2015. P. 272–277.
- Islami H.* (kryered.) Leksikon: Vendbanimet e Kosovës: tabloja fizike-hapësinore, demografike dhe funksionale. Vëll. 1: Qendrat urbane. Prishtinë: Akademia Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2018. 553 f.

- Lémay-Hebert N.* Multiethnicité ou ghettoisation? Statebuilding international et partition du Kosovo à l'aune du projet controversé de mur à Mitrovica // *Études Internationales*. 2012. Vol. 43 (1). P. 27–47.
- Lleshi Q.* Evolucionja stanovništva triju većih kosovskih gradova (Prizrena, Prištine i Mitrovica) do 1961 // *Buletin i punimeve shkencore të Fakultetit Matematik-Natyror / Zbornik radova Prirodnog-Matematičkog Fakulteta*. 1974. No. 2. S. 93–116.
- Lleshi Q.* Oytetet e Kosovës. Studim urbanologjik. Prishtinë: Universiteti i Prishtinës, 1977. 400 f.
- Maciulewicz M.* Newcomers and Locals. Invisible Boundaries among Inhabitants of a Divided City in the Balkans // *Colloquia Humanistica*. 2019. No. 8. P. 203–220.
- Malcolm N.* Kosovo: A Short History. L.: Pan Books, 2002. 492 p.
- Meier V.* Yugoslavia: A History of Its Demise. L.: Routledge, 1999. 304 p.
- Namani Q.* Hebrenjtë në Kosovë // *Vjetar*. Prishtinë: Arkivi i Kosovës, 2007. Vëll. 37–38. F. 89–112.
- Pavlović M.* Tracer les frontières, habiter la ville: le cas de Mitrovica au nord du Kosovo // *Études Balkaniques — Cahiers Pierre Belon*. 2015. Vol. 21. P. 145–162.
- Prenkaj M.* Prizreni dhe rrethina në shekullin XIX dhe në fillim të shekullit XX. Prishtinë: Instituti i Historisë, 1998. 397 f.
- Pulaha S.* Popullsia shqiptare e Kosovës gjatë shek. XV–XVI. Tiranë: 8 Nëntori, 1983. 721 f.
- Rexhepagiqi J.* Dervishët dhe teqetë: në Kosovë, në Sanxhak dhe në rajonet përreth. Pejë: Dukagjini, 2003. 302 f.
- Shaw E.* A Tale of Three Cities: Considering Divided Cities in the Former Yugoslavia // *Center for Slavic and East European Studies Newsletter (University of California, Berkeley)*. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 7–11.
- Stavrianos L.S.* The Balkans since 1453. 4th ed. L.: Hurst, 2008 [1958]. 970 p.
- Troch P.* Socialist Urban Development in Kosovska Mitrovica — Compressed Socio-Spatial Duality in a Medium-Sized Industrial City in Yugoslavia's Underdeveloped South // *Годишњак за друштвену историју*. 2018. № 2. С. 33–61.
- Yenigün C.* Autochton Turkish Existence in the Balkans // *Uluslararası Balkan Kongresi / International Balkan Congress*. Tekirdağ: TASAM, 2008. P. 517–531.

Vectors of City Development in Kosovo in the 20th and 21st Centuries: Origins and Consequences

Denis Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
denis.ermolin@gmail.com

The article explores the social and spatial phenomena in the development of three cities on the territory of Kosovo (and Metohija) — Pristina, Prizren and (Kosovska) Mitrovica in the history of the region in the 20th and 21st centuries. All these cities used to contain Turkish, Albanian, Serbian (and more broadly Slavic-speaking), Jewish and Gypsy quarters with shared urban (as opposed to rural) identities. The paper argues is that the interweaving (sometimes even conflicting) of two vectors — “inner logic” and “the logic of the victor” — forms the image of the city, thereby largely determining the everyday life and behavioral models of its inhabitants. Moreover, the evolving urban space itself can be viewed as an actor segmenting various social, ethnic and confessional communities. Thus, the author poses the following questions: What are the historical prerequisites for the transformations of the socio-cultural landscape of the cities of Kosovo at the turn of the XX–XXI centuries? What spatial changes in urban space have followed the new social realities and the armed conflict in Kosovo? How can urban space be used to form and broadcast ideological attitudes by political elites?

Keywords: the Balkans, Kosovo, Pristina, Prizren, (Kosovska) Mitrovica, urban space, sociocultural landscape, ethnic communities.

Acknowledgements

The reported study was funded by the RSF according to the research project no. 19-78-00067.

References

- Arsh G. L. (ed.), *Kratkaya istoriya Albanii* [A Brief History of Albania]. Moscow: Nauka, 1992, 512 pp. (In Russian).
- Bancroft I., *Dragon's Teeth: Tales from North Kosovo*. Hannover: ibidem Verlag, 2020, 204 pp.
- Björkdahl A., Gusić I., ‘The Divided City — a Space for Frictional Peacebuilding’, *Peacebuilding*, 2013, vol. 1 (3), pp. 317–333.

- Berking H., Löw M., 'Einleitung', Berking H., Löw M. (Hg.), *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung*. Frankfurt: Campus Verlag, 2008, S. 7–14.
- Bockrath F., 'Städtischer Habitus — Habitus der Stadt', Berking H., Löw M. (Hg.), *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung*. Frankfurt: Campus Verlag, 2008, S. 55–82.
- Bourdieu P., *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. St Petersburg: Aleteya, 2017, 288 pp. (In Russian).
- Castan Pinos J., 'Mitrovica: A City (Re)shaped by Division', Ciardha É. Ó., Vojvoda G. (eds.). *Politics of Identity in Post-Conflict States*. London: Routledge, 2015, pp. 128–142.
- Cirkovic S. M., *The Serbs*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2004, 356 pp.
- Dukagjini E., *Gradaska naselja Metohje (Dukađina): urbano geografska proučavanja*. Pristina: Univerzitet u Prištini, 1978, 319 pp.
- Gashi M., *Uslovi i mogućnosti za razvoj turizma u SAP Kosovu*. Pristina: Univerzitet u Prištini, 1977, 265 pp.
- Gehring P., 'Was heißt Eigenlogik? Zu einem Paradigmenwechsel für die Stadtforschung', Berking H., Löw M. (Hg.), *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung*. Frankfurt: Campus Verlag, 2008, pp. 153–168.
- Ermolin D. S., 'Prishtina kak razdelennyi gorod' [Pristina as a Divided City], *Antropologicheskij forum*, 2015, no. 25, pp. 42–68. (In Russian).
- Ermolin D. S., 'Simvolicheskoye natsiestroitelstvo i kulturnyi landschaft gorodov Kosovo na rubezhe XX–XXI vv.' [Symbolic Nation-Building and Cultural Landscape of Kosovo Cities at the Turn of the 21st century], *Kunstkamera*, 2020, no. 1, pp. 188–197. (In Russian).
- Hysa A., 'Mirroring the Bazaar: Social Change through Balkan Marketplaces', Roth K., Höpken W., Schubert G. (eds.). *Europäisierung — Globalisierung — Tradition. Herrschaft und Alltag in Südosteuropa. 50. Internationale Hochschulwoche der Südosteuropa-Gesellschaft in Tutzing 4.–7. Oktober 2011*. Berlin; Munich: Peter Lang GmbH, 2015, SS. 272–277.
- Ivanova Yu. V., *Albantsy i ikh sosedi* [Albanians and their Neighbours]. Moscow: Nauka, 2006, 367 pp. (In Russian).
- Islami H. (kryered.), *Leksikon: Vendbanimet e Kosovës: tabloja fizike-hapësinore, demografike dhe funksionale. Vëll. 1: Qendrat urbane*. Pristina: Akademia Shkencave dhe e Arteve e Kosovës, 2018, 553 pp.
- Kapustina E. L., 'Selskie etyudy k gorodskomu peyzazhu: transformatsiya gorodskogo prostranstva v kontekste migracionnykh protsessov v Dagestane i sudba selskikh zemlyachestv v Makhachkale nachala XXI veka' [Rural Sketches for the Urban Landscape: The Transformation of Urban Space in the Context of Migration Processes in Dagestan and the Fate of Rural Communities in Makhachkala at the beginning of the 21st century], Botyakov Yu. M. (ed.), *Kavkazskiy gorod: potentsial etnokulturnykh svyazey v urbanisticheskoy srede* [Caucasian City: The Potential of Ethnocultural Contacts in the Urban Environment]. St Petersburg: MAE RAS, 2013, pp. 111–175. (In Russian).

- Lémay-Hebert N., 'Multiethnicité ou ghettoïsation? Statebuilding international et partition du Kosovo à l'aune du projet controversé de mur à Mitrovica', *Études Internationales*, 2012, vol. 43, no. 1, pp. 27–47.
- Lleshi Q., 'Evolucija stanovništva triju većih kosovskih gradova (Prizrena, Prištine i Mitrovica) do 1961', *Buletin i punimeve shkencore të Fakultetit Matematik-Natyror / Zbornik radova Prirodnog-Matematičkog Fakulteta*, 1974, no. 2, pp. 93–116.
- Lleshi Q., *Oytetet e Kosovës. Studim urbanologjik*. Pristina: Universiteti i Prishtinës, 1977, 400 pp.
- Maciulewicz M., 'Newcomers and Locals. Invisible Boundaries among Inhabitants of a Divided City in the Balkans', *Colloquia Humanistica*, 2019, no. 8, pp. 203–220.
- Malcolm N., *Kosovo: A Short History*. London: Pan Books, 2002, 492 pp.
- Martynova M. Yu., 'Etnicheskiy faktor v sudbe Kosovo' [The Ethnic Factor in the Fate of Kosovo], Romanenko S. A., Shmelev B. A. (eds.), *Kosovo: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Kosovo: Past, Present, Future]. St Petersburg: Aleteya, 2013, pp. 82–135. (In Russian).
- Meier V., *Yugoslavia: A History of Its Demise*. London: Routledge, 1999, 304 pp.
- Milerius N., 'Sinkhronizatsiya i desinkhronizatsiya nastoyashchego i proshlogo na sovetском i postsovetском prostranstvakh' [Synchronisation and Desynchronisation of Present and Past in the Soviet and Post-Soviet Space], Milerius N., Cope B. (eds.), *P.S. Landshafty: optiki gorodskikh issledovaniy* [P.S. Landscapes: Optics of Urban Studies]. Vilnius: European Humanities University Press, 2008, pp. 37–61. (In Russian).
- Namani Q., 'Hebrenjtë në Kosovë', *Vjetar*. Pristina: Arkivi i Kosovës, 2007, vëll. 37–38, pp. 89–112.
- Pavlović M., 'Tracer les frontières, habiter la ville: le cas de Mitrovica au nord du Kosovo', *Études Balkaniques—Cahiers Pierre Belon*, 2015, vol. 21, pp. 145–162.
- Petrović S., 'Zbirka reči iz Prizrena Dimirtija Čemerikića kao izvor za proučavanje jezičke i kulturne interferencije na Kosovu i Metohiji', Miloradović S. (ur.), *Kosovo i Metohija u civilizacijskim tokovima*. Kosovska Mitrovica: Filozofski fakultet, 2010, knj. 1: *Jezič i narodna tradicija*, pp. 195–206.
- Prekaj M., *Prizreni dhe rrethina në shekullin XIX dhe në fillim të shekullit XX*. Pristina: Instituti i Historisë, 1998, 397 pp.
- Pulaha S., *Popullsia shqiptare e Kosovës gjatë shek. XV–XVI*. Tiranë: 8 Nëntori, 1983, 721 ff.
- Rexhepagiqi J., *Dervishët dhe teqetë: në Kosovë, në Sanxhak dhe në rajonet përreth*. Pejë: Dukagjini, 2003, 302 ff.
- Rodenstein M., 'Die Eigenart der Städte — Frankfurt und Hamburg im Vergleich', Berking H., Löw M. (Hg.), *Die Eigenlogik der Städte. Neue Wege für die Stadtforschung*. Frankfurt: Campus Verlag, 2008, SS. 261–311.
- Rotbard S., *White City, Black City. Architecture and War in Tel Aviv and Jaffa*. London: Pluto Press, 2015, 256 pp.
- Shaw E., 'A Tale of Three Cities: Considering Divided Cities in the Former Yugoslavia', *Center for Slavic and East European Studies Newsletter (University of California, Berkeley)*, 2003, vol. 20, no. 2, pp. 7–11.

- Sobolev A. N., *Osnovy lingvokulturnoy antropogeografii Balkanskogo poluostrova* [The Fundamental Lingua-Cultural Anthropological Geography of the Balkan Peninsula]. St Petersburg: Nauka; München: Otto Sagner Verlag, 2013, vol. 1: *Homo balcanicus i ego prostranstvo* [Homo Balcanicus and His Space], 264 pp. (In Russian).
- Stavrianos L. S., *The Balkans since 1453*. 4th ed. London: Hurst, 2008 [1958], 970 pp.
- Todorov N., *Balkanskiyat grad XV–XIX vek: Sotsialno-ikonomichesko i demografsko razvitie* [The Balkan City in the 15–19th Centuries: Socio-economic and Demographic Development]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1972, 504 pp. (In Bulgarian).
- Troch P., 'Socialist Urban Development in Kosovska Mitrovica — Compressed Socio-Spatial Duality in a Medium-Sized Industrial City in Yugoslavia's Underdeveloped South', *Godišnjak za društvenu istoriju*, 2018, no. 2, pp. 33–61.
- Yenigün C., 'Autochton Turkish Existence in the Balkans', *Uluslararası Balkan Kongresi / International Balkan Congress*. Tekirdağ: TASAM, 2008, pp. 517–531.